

Отпущенная тетива тренькнула, стрела коротко свистнула и исчезла в траве. Крин досадливо зашипел, как от боли. Опять промазал. Который уже раз. Руки, натруженные от постоянных упражнений болели, но он с утра ни разу не попал в медвежью шкуру, что висела на стене длинного приземистого дома.

Крина жгла досада, ведь его сегодня не взяли на охоту, оставили присматривать за младшими. Как будто Фро с этим не справится! Старый противный Фро, который сейчас дрыхнет в своей хижине. Крин подошел к зарослям травы и вытащил оттуда стрелу. Они ушли без него на птицу. Сказали, что толку от Крина будет мало, только лишняя трата стрел. И это Крин, у которого уже есть одна насечка на щеке. У взрослых, правда, их было две. Но у младших их не было вовсе. Насечку надо было заслужить. И Крин заслужил её, когда его копьё выпустило кишки матерому серому волку. Но вот вторую он пока не заслужил. И все из-за того, что не умел стрелять из лука! Да, кому он нужен, этот лук! Крин хорошо владеет копьем, дубиной, да и камни неплохо кидает. Недавно они соревновались с Бродхом, и Крин бросал дальше шагов на десять. А у Бродха давно уже две насечки.

Ну ничего, Крин всем ещё покажет! Он превзойдет в стрельбе из лука даже старого Хугта. Вот сейчас... Крин сосредоточился, напряг все свои силы, прицелился, натянул тетиву. Давай! Тетива тренькнула, стрела свистнула и... Описав дугу она перелетела дом, покрытый дерном. Только не это! Она же упала... упала у реки! А к реке было ходить нельзя. Только взрослые с двумя насечками могли это делать. И то не все, и не всегда. Лишь в ночь, когда две луны встречались на небе, набрав полную силу, люди бросали жребий, и те кому он выпал отправлялись туда, за реку. Конечно, будь у Крина вторая насечка, его бы тоже допустили к жребию. Но без неё нечего было о том и думать. Что там им приходилось пережить? Крин не знал, о том, что происходило за рекой говорить было нельзя. Они приносили ягоды и фрукты, которые не росли лесу на их стороне. Иногда они приводили из-за реки новых младших, бледных и заплаканных. Те сначала первые дни отказывались даже от еды. Что там такого они видели, там, за рекой? Про то нельзя было спрашивать. Да и ответить младшие не могли, они ещё не знали человеческой речи. Крин и сам много двоелуний назад тоже пришел оттуда. Но он не помнил, ничего не помнил. Только чувство боли, горя, утраты. И что-то ещё странное и щемящее.

К реке было ходить нельзя. Как-то Крин будучи ещё младшим, заигравшись подбежал почти к самым камышам, когда его настиг шаман Фро и ударил большой узловатой палкой, на которую он опирался при ходьбе. Потом долго ругался, брызгая слюной. И сейчас бы Крин не пошел. Но, ему надо тренироваться, чтобы хорошо стрелять из лука. А стрела у него была только одна. Он быстро, только туда и обратно. Он же не прям к реке, так... в заросли. Никто и не увидит. Правда, ведь? Он с опаской посмотрел на хижину Фро. Шаман был человек особый. Особый во всем. Он даже не ходил со всеми на охоту, не свеживал шкур, не ел со всеми у общего костра. Но он видел духов, умел лечить болезни, заговаривал оружие, приманивал зверя. Потому ему всегда полагалась доля от добычи равная со всеми. При том, что он даже не спал со всеми в длинном доме, у него была отдельная покосившаяся хижина. Оттуда доносился его раскатистый храп. Так, что в этот раз он не ударит Крина своей дубиной. Если, конечно, никто из младших ему не расскажет. Крин посмотрел в их сторону.

Они самозабвенно играли в охоту на оленя. Маб прикрепил к голове две кривые ветки, которые изображали оленьи рога, все прочие гонялись за ним с палками, что изображали копыя. Игра так занимала их, что никто не обращал внимания на Крина. Можно попробовать!

Крин, стараясь ступать бесшумно, будто он тоже охотится сейчас на оленя, обошел длинный дом и когда скрылся из поля видимости младших быстро побежал к камышам. Где же стрела? Как сквозь землю провалилась! Или утонула. Чем дальше заходил Крин в заросли, тем больше становилось вокруг воды. А в воде как известно, и живут те самые духи. Может и сейчас, они следят за Крином... Что-то шлепнуло, Крин вздрогнул, сердце его забилося, как птица, попавшая в силки. Ещё шлепок, что-то серо-зеленое прыгнуло совсем рядом. Крин оцепенел от ужаса, но тут услышал мерзкое булькающее кваканье. Лягушка, духи её побори! Где же стрела? Камыши неожиданно поредели и блеснула поверхность воды. Река! Назад, надо быстро назад! Но Крин не мог оторвать взгляда от её блестящей поверхности. Река... Какая спокойная, какая завораживающая... У него защемило где-то в груди. Какие-то неясные образы и воспоминания из самой глубины. Он, сам того не желая, замороженно сделал ещё шаг навстречу реке, раздвинул заросли камышей.

Река была гладкой и ровной, как большая обледеневшая дорога. Ещё она блестела в свете солнца. Она была недвижна и в тоже время шла куда-то. Она была не такой уж и широкой, как ему казалось раньше. Совсем рядом виднелся другой берег, так же заросший камышами. Что-то снова плеснуло. Лягушка? Нет, это на том берегу! Крин хотел закричать от ужаса и побежать прочь, но он не мог и пошевелиться. Меж тем, у чужого берега кто-то плюхнулся в воду, подняв тучу брызг. Бобер или выдра? Нет, кто-то более крупный... Существо вынырнуло. Оно было человеком. Обнаженным человеком с длинными каштановыми волосами, которые прилипли к плечам и спине. Он был несомненно взрослым, хотя может примерно столько же Лун, сколько и Крину. Он был удивительный. Какой-то более стройный и в то же время округлый. Его движения были грациозны, словно у газели. Кожа белая и гладкая. По ней капельками стекала вода. Крин не мог оторвать взгляда от этого человека, его удивительного тела. В его груди загорался костер, в висках стучали каменные топоры. Человек, словно почувствовав взгляд Крина, медленно повернулся.

Ужас! Его грудь! У него вытянутая грудь. Две висящие груди, как у Фро или старого Хутга. Только упругие и красивые, с большими розовыми сосками. А между ног... Там, где в зарослях волос должен был торчать отросток-мочевик ничего не было! Это... это не человек! Это дух, дух реки, которым так страдал его Фро. Дух увидел Крина, их взгляды пересеклись. Крин на мгновение увидел, как ясные синие глаза словно заглянули ему в самую душу. У человека было лицо совсем юное, даже без пушка, не то что усов или бороды. Гладкое и красивое, как у младшего. Под стать его безволосому стройному телу. К тому же на лице у него не было насечек. Но он не младший, явно не младший... Неожиданно дух опустил голову, резко повернулся и бросился бежать в камыши. Крин, которого наконец отпустило, сделал то же самое. Дыхание его сбилось, сердце стучало так, что готово было выпрыгнуть из груди. Дух... Крин видел духа! Что же теперь будет? Что теперь делать?

Крин обессиленно оперся о стену длинного дома, сполз вниз. Припекало летнее солнышко, младшие по-прежнему охотились за оленем, роль которого играл теперь Сва, Фро по-прежнему храпел в своей отдельной хижине. Но что-то изменилось, казалось даже солнечный свет стал тусклее. Что делать? Рассказать Фро и вождю Дору? Ну и достанется тогда ему! Может... может даже его не просто побьют, а выгонят. Выгонят из племени, как

Лиры, который убил в ссоре Ульта. И будет он вечно скитаться один в лесу, словно дикий зверь. Нет, Крин будет молчать.

Стрела его бесследно исчезла в камышах, но упражняться в стрельбе у него не было больше ни сил, ни желания. Он сидел у дома, стоило ему закрыть глаза, как он видел того речного духа, его удивительные глаза и его удивительное тело. Руки его дрожали, в груди разливался странный жар. Но самое странное происходило с его отростком. Он напрягался и вытягивался, хотя Крин не хотел мочиться. Он пульсировал и распух, будто укушенный осой. Проклятие... Это наверно и есть проклятие речного духа! Что же делать? Что... делать... Крин чувствовал, как мир кружится вокруг него и жизнь покидает его тело.

Когда он вновь вернулся из мира духов, уже смеркалось. Над ним нависли лица прочих людей. Нахмуренные и обеспокоенные. Среди них было и морщинистое, словно высохший фрукт, лицо Фро и рыжебородое, свирепое, со шрамом на щеке лицо вождя Дора. — Что с тобой? — спросил Дор низкий густым голосом.

— Там... у меня распухло... там... наверно укусила...

Шаман не дослушав приподнял набедренную повязку Крина.

— Ты был у реки? — тихо спросил он.

Его темные глаза пронзали его, словно две острые стрелы с наконечниками из небесного камня. Глядя в них, врать было невозможно. Да и бессмысленно врать тому, кто видит духов. Будь, что будет...

— Да... — так же тихо ответил Крин.

Фро медленно повернулся к Дору.

— Кажется, он готов... — сказал он вождю.

Вождь нахмурился посмотрел на шамана, потом на Крина. А после на небо, где уже взошла первая луна.

— Да будет так... — сказал он и встал с корточек, — успеешь подготовить его до темноты?

Шаман кивнул. Все старшие странно заулыбались, младшие же так ничего и не поняли.

Фро увел его к себе в хижину. Здесь мучительно долго окуривал его удушливым дымом и что-то бормотал, то распевно, то монотонно. Когда они вышли на свежий воздух, Крин плохо соображал. Было темно, но пространство освещалось ночным костром. Младшие уже спали в длинном доме, старшие же подбрасывали над огнем гадательную кость. Они бросали жребий, кому в этот раз идти за реку. Крин никогда не видел, как это выглядит, его, как и младших никогда не допускали на эту церемонию. Но после всех манипуляций шамана, его песен и удушливого дыма, ему было уже все равно. Он спокойно смотрел, как после броска кости, вождь наклоняется, чтобы увидеть какой стороной та упала и что-то тихо говорит. Люди отходили после этого по одну или другую сторону костра. Вскоре все разделились на две группы. Большинство разочарованно вздыхая осталось по левую сторону от огня. Небольшая группа, в которую попали вождь Дор, среднего возраста воин Тен, молодые Крех и Сарг, Бродх, лучший из охотников после Дора, да старый Хугг. Видимо, в этот раз идти за реку жребий выпал именно им. Они повернулись и направились к ней. Крин провожал их безразличным взглядом.

Дор, который шел последним неожиданно обернулся.

— Эй, что стал? Идём!

— Я? Но я же... я...

— Идём, ты с нами!

— Но я...

Однако, судя по взгляду Дора он не собирался вступать в споры. Он был тверд и прям, как тогда, когда он вел свое племя против медведя или росомахи. И Крин замолчал, опустил глаза и последовал за вождем.

Они вышли к берегу в другом месте, не там, где накануне Крин искал стрелу. Здесь не было камыша, а был холодный мокрый песок, усеянный острыми ракушками и засохшими водорослями. От реки шел сладковатый запах гниения и ещё чего-то, чего Крин не мог понять.

Он ещё был в том состоянии, потому не помнил толком, как оказался на плоту, который переправлял их на тот берег. Тот самый плот! Что привез некогда и его. Крин отчетливо, словно с того времени не прошло и взмаха ресницами, помнил, как он совсем маленький и плачущий плыл по ночной реке. Оттуда, с того береганазад. А потом она пропала. Вот, значит, куда... Но думать не было времени, Ая неожиданно толкнул его, так что Крин повалился на спину. Он попытался вскочить, но Ая рассмеялся своим приятным мелодичным смехом:

— Я не причиню зла. Мы просто немного поиграем.

Крин не понимал:

— Это как дети?

— Нет, дурачок, как взрослые! Есть такая древняя игра, для неё нужны двое. Один мужчина, вторая женщина...

Крин был окончательно сбит с толку. О чем он вообще толкует? Глядя в обеспокоенно-настороженное лицо Крина, Ая не переставал смеяться.

— Ладно, начнем с самого начала. Ты наверно думаешь, что я демон?

Крин кивнул. Ая лег рядом, наклонился к мальчику, щекоча его теплым дыханием и зашептал, слегка поглаживая по руке. От него веяло чем-то теплым, родным и забытым.

— Я такой же человек, как и ты. Просто людей бывает два вида: одни такие, как ты. А другие, такие как я. И нам нужно жить отдельно. Таков древний закон. Но когда две луны сходятся на небе, так же сходимся и мы...

Рука Аи потянулась к отростку Крина и тот стал снова набухать.

— Тебе приятно? — спросил Ая.

— Ты странный — ответил Крин, — но это приятно.

— Не странный, а странная. Я — женщина. Ты мужчина. И я самая обычная. Но очень люблю новичков.

Где-то недалеко раздался протяжный стон. Крин хотел вскочить, но Ая ласково удержала его.

— Не беспокойся, им хорошо. Обоим. Поверь мне.

Её рука скользила вверх-вниз по его отростку, нежно двигая покрывающую его кожу. Это было так приятно, Крин задохнулся от неожиданного удовольствия.

— Мы называем его член, — тихо сказала Ая.

В её голосе появились какие-то особые нотки, от которых Крина бросало в сладкую дрожь.

— Это очень волшебная штука. Она умеет делать приятно и тебе и мне...

Ая тяжело дышала, почти так же как недавно старый Хугг. Грудь её тяжело вздымалась.

Крин, движимый каким-то неведомым ему чувством, приподнялся и коснулся губами большого розового соска. Ая нежно прошелестела:

— Ещё... не останавливайся... Пососи их...

Крин, забыв обо всем на свете, прильнул в мягкой, приятно пахнущей груди. Ая застонала ему в ухо.

— Тебе больно?

— Нет... нет... не останавливайся...

Крин сосал губами грудь, словно новорожденный олененок. Соски Аи затвердели, она лежала на спине, от удовольствия то сгибая в коленях, то вытягивая голые ноги. Член Крина стал подобен каменной дубине, он пульсировал, словно готовясь к тяжелому бою. Ая неожиданно отстранила его от себя.

— Давай, я готова...

Она раскинула перед ним ноги, и среди мохнатых зарослей Крин увидел то, что у женщин было вместо члена. Это было похоже на розовую щелочку.

— Засунь в меня свою дубину...

Крин опустился на колени и прижался членом к пещерке Аи. Она была горячая и влажная. Такая приятная, словно губы Аи.

— Не торопись... не торопись... — жарко шептала ему женщина, — вот так, медленно... Ах!

Она вскрикнула, когда член Крина наконец проник внутрь. Там было хорошо. Ая задрожала всем телом, обхватила его бедра ногами, вжала в себя.

— Мы с тобой... одно целое... две луны на небе... мужчина... ах... и женщина... на земле!

Крин двигался. Стоны Аи, её жаркий и шепот, её нежная кожа без волос, её тело распалили его, заставляли двигаться всё быстрее. Каждое его движение приносило ему все большее удовольствие. И Ае тоже. Когда он достигал глубины, её лицо искажалось, она скалила зубы, словно волчица, царапала его спину, словно пума. Это удовольствие нельзя было ни с чем сравнить. Оно было лучше, чем съесть пьяную ягоду с болот, лучше чем дикий мёд, лучше чем первым догнать зайца, лучше, чем пить теплую кровь из горла ещё живого оленя... В его голове застучали каменные топоры, Крин почувствовал как его окутывает багровая пелена. Его член содрогался, сотрясая все тело. И он извергал в Аю горячую густую жидкость. Ая тоже что-то кричала, извивалась под ним, загребала ногами лежащую под ними шкуру. Крин тоже закричал и погрузился в темноту.

Крин открыл глаза. Он лежал все на той же шкуре, только на спине. Ая сидела верхом на его бедрах, она что-то бормотала, а в её руках был нож! Крин дернулся, но он бы настолько слаб, что едва пошевелил рукой. Ая мелодично рассмеялась и резким движением надрезала ему щеку. Крин почувствовал, как течет по щеке горячая жидкость. В этот раз его кровь. Ая спрятала нож и склонилась к его лицу, нежно лизнула рану, которая только что нанесла.

— Не бойся... это просто знак... знак того, что ты... не мальчик... а мужчина...

До Крина дошло. Насечка. Она поставила ему вторую насечку. Значит, вторую дают не за стрельбу из лука... Ая слизала кровь, потом достала лечи-травы, пожевала и выплюнула на рану. Странные эти женщины. Используют траву для каких-то царапин. Она была по виду очень довольна. Движения её обрели большую плавность, даже голос как будто стал чуть ниже, как у сытой рыси. Она нежно провела пальцем по его груди.

— Я очень рада, что оказалась у тебя первой... Ты молодой, сильный... От тебя будут хорошие дети. Выпей, это восстановит силы. Они тебе ещё понадобятся.

С этими словами Ая влила ему в рот какой-то травяной настой. Такими часто любил их потчевать Фро.

— Ая, ты ещё с ним не наигралась? Я тоже хочу! — послышался совсем рядом ещё один

женский голос. Ая засмеялась в ответ, поцеловала в Крина в щеку.

— Все, он твой, Ума!

Ума была выше и стройнее Аи, груди у неё были совсем маленькие, чуть больше мужских. Волосы бурого цвета и заплетены в косы, как у Бродха. Только у Бродха одна коса сзади, а у Умы их было две, и они опускались вниз к её небольшим грудям с торчащими сосками. И она была не такая округлая, как Ая. Но вид её был приятен Крину. Сильные мускулистые ноги, подтянутое тело, глаза удивительно-зеленоватого цвета. Крину она нравилась не меньше Аи. Ума села перед ним на колени и криво улыбнулась.

— Давай посмотрим, оставила мне Ая что-нибудь? — спросила она, погладив член Крина. Он снова начал твердеть.

— Очень хорошо — Ума облизнулась, словно хищник при виде добычи, — расти, наливайся силой... Какой он у тебя красивый.

Ума наклонилась к розовой головке, щекоча её дыханием.

— Расти... твердей!

И она неожиданно лизнула кончик члена. От этого он вздыбился и стал ещё больше.

— Какой хороший... — прошептала Ума. Она провела рукой, водя кожуцу вверх-вниз, делая крину приятно. Не так нежно как Ая, но тоже очень приятно. Даже приятней. Особенно когда большой палец её руки делал вращательные движения там где кожа соединялась с членом. Как же хорошо. Крин почувствовал, что его дубина слегка запульсировала. Ещё немного, и он снова начнет лить ту густую жидкость. Но Ума почувствовала это, хрипло зарычала, оскалив зубы и оседлала Крина, словно горного осла или степного мустанга. Член Крина снова нырнул в теплую влажную глубину. Ума зарычала, задвигала бедрами, вгоняя в себя упругую палку. Она подпрыгивала на ней, сжимала своим лоном. Крину сейчас нравилось даже больше, чем с Аей. Неистовство Умы передавалось и ему. Он крепко схватил её за ягодицы, двигал снизу тазом, рычал вместе с ней. Перед его глазами мелькали её груди с торчащими сосками, косы, разлетающиеся в стороны от каждого движения, искаженное от страсти лицо, звездное ночное небо и две луны, что на небе соединялись друг с другом. Почти так же как Ума с Крином внизу, на земле. Крин почувствовал, что он одно целое. Не только с Умой, но с небом, двумя лунами, всем миром. И в этот момент Ума, запрокинув голову к небу, стала дергаться, волна удовольствия, не такая сильная, как в первый раз, накрыла и Крина. И весь мир сейчас пульсировал вместе с ним. Крин уже излился и успокоился, а Ума ещё продолжала тихо и расслабленно двигаться на его члене. А потом устало опустилась ему на грудь, поцеловала в губы.

Позже все собрались в центре женского поселения у костра. Мужчины и женщины сидели вперемежку. Крин сел между Аей и какой-то рыжеволосой женщиной возраста Тена. У ней были огромные груди почти до живота и веснушки на шее и плечах. Вождь Дор сидел с высокой статной женщиной, на шее у которой было ожерелье из зубов волка. Глаза её были такие же пронзительно-синие, как у той женщины, которую Крин видел за рекой сегодня днем. Кстати, где она? Среди тех женщин, что были у костра, её не было.

Все болтали, смеялись. По кругу ходила чаша из черепа козла. В ней был тот отвар, сдобренный медом. Крину не верилось, что совсем недавно, когда луны только входили в силу, он ничего не знал о женщинах, никогда в жизни не был за рекой. Все здесь было так знакомо, словно он бывал здесь не раз. Было хорошо, легко, хотелось смеяться, петь, танцевать вокруг костра.

Неожиданно высокая женщина хлопнула в ладоши, призывая к тишине. Так же делал часто и Дор во время общих разговоров. И тех, кто не замолкал, ждал обычно его огромный волосатый кулак, выбивающий за раз несколько зубов. Судя по всему, та женщина в этом поселении была тоже вождем, поскольку после её хлопков все смолкли.

— Пришло время для моей дочери! — сказала главная женщина, — сегодня Вира станет женщиной!

Все радостно загалдели. Крин немного не понял. Кто такая, эта «дочь»?

— Вира! — крикнула женщина-вождь.

— Вира! Вира! Вира! — подхватили остальные.

Из темноты к костру шагнула фигура. Это была совсем молодая женщина. Белое гладкое тело, длинные темные волосы. И глаза. Ясные синие глаза. Вира! Вот кого видел Крин за рекой!

Вира медленно обходила людей у костра, внимательно заглядывая им в лица. Около Крина она задержалась и улыбнулась ему.

— Ты выбрала, Вира? — спросила её синеглазая женщина.

Вира посмотрела на Крина и с улыбкой покачала головой.

— В другой раз... — еле слышно сказала она ему. И пошла дальше. Она остановилась возле вождя Дора. Когда он посмотрел на неё, она опустила голову и её лицо стало красным. Такое бывает у младших, если они сделали что-то плохое и не хотят признаваться.

Высокая женщина посмотрела на неё и молча кивнула. Дор поднялся. Крину показалось, что он немного дрожит, будто от страха. Но такого не могло быть. Вождь не знает ни страха, ни сомнений. На то он и вождь. Он был выше Виры на две головы, огромный, массивный. Она по сравнению с ним казалась маленьким олененком. Он взял её за плечи. Она покраснела ещё сильнее и тоже задрожала. Дор непривычно осторожно и нежно убрал волосы с её щеки. Потом склонился и поцеловал в губы. Она обхватила тонкими ручками его массивную шею. Их окружили женщины. Две приподняли Виру за ягодицы, так что она оказалась одного роста с Дором. Ещё одна стала на колени между вождем и Вирой. Она смазала пальцы жиром, а потом проникла этим пальцами туда, в пещерку Виры. Дор стоял, разминая свой огромный член. Вира выгнулась, когда пальцы женщины вошли в неё. Член Дора стал ещё больше. Он налился той огромной силой, что всегда помогала Дору. Крин даже немного испугался. Теперь понятно, почему они не захватили оружие в этот поход за реку. При желании Дор мог убивать и этой вздыбленной дубиной между ног. Вира тоже испугалась, даже вскрикнула при виде его члена. Но Дор снова нежно провел рукой по её щеке и что-то негромко сказал. Вира снова покраснела и кивнула.

Дор был непривычно осторожен. Он раздвинул своим набалдашником створки пещерки Виры, но не стал проникать сразу. Он провел по ней самым кончиком. Вира часто задышала, словно испуганный зверек. Женщина, что сидела у их ног покачала головой и что-то сказала Дору. Потом взяла его член рукой, привстала и неожиданно засунула головку вождя себе в рот. Он закричал, на его лбу вздулись жилы. Женщина умудрилась вобрать эту громадину почти целиком в себя. Правда, на глазах у неё выступили слёзы. Она несколько раз прошлась языком по всей длине, сделав член Дора совсем мокрым, блестящим в свете костра. Потом женщины держащие Виру пошире раздвинули ей ноги и Дор наконец смог засунуть свою штуковину в молодую женщину. Вира закричала. У неё выступила кровь. Сидящая женщина подставила чашу из черепа козла и капли крови закапали в общий напиток. Дор был

осторожен. Он вошел лишь наполовину. Потом замер, глядя в её синие глаза. Потом начал осторожно двигаться. Вира охала. Но её выражение лица стало все больше походить на выражение лиц Аи и Умы, когда они совокуплялись с Крином. Она входила во вкус, получала удовольствие от происходящего. Она протянула руки к Дору и он прижал её к себе, удерживая своими огромными ручищами на весу. Крин почувствовал, как снова им завладевает то приятное возбуждение. При виде стонущей, извивающейся на огромном члене Виры, его член начал напрягаться. Впрочем, как и других мужчин у костра. Рыжая женщина с огромной грудью улыбнулась Крину, потом повернулась задом и раздвинула руками ягодицы, чтобы Крину было удобней овладеть ей сзади. Ая в это время стонала под яростным напором Тена. Крин не сводя глаз с Виры, которая вошла в раж, насаживаясь на упругую дубину, резко вошел в рыжую, она крикнула:

— Давай! Давай! Быстро! Не останавливайся! Ах... как хорошо! Хорошо!

Все кто собрался у костра слились в едином движении, стоне, удовольствии. Ума скакала верхом на члене Хугга, обзывая его старикашкой. Женщина-вождь закрыла глаза, выгнула спину, словно дикая кошка, пока её сзади резкими толчками брал Бродх. Сарг соединился с женщиной, что сидела у ног Дора, Креху досталась совсем молодая, немногим старше Виры. Глаза Виры закатились, она высунула кончик языка, словно волк, в это время Дор рыча изливал в неё свою белесую жидкость. Крин теперь знал, что она называется семенем. И от неё у женщин в животе зарождаются младшие. Значит и он был здесь когда-то? Значит и он когда-то родился из живота одной из них? Рядом протяжно кончала Ая, опустив голову в густую траву. Яростно рычала Ума, совсем заездив старого Хугга. И самому Крину вернулось то багровое чувство. Рыжая женщина все выкрикивала что-то бессвязное, когда он выстрелил в неё совсем небольшой струйкой.

Вира опустила на ноги, вся дрожа. Она поцеловала Дора и сказала:

— Я хочу, чтобы это был мальчик. Большой и сильный, как ты.

Дор неожиданно покраснел, как Вира, когда выбрала его. А шрам его наоборот стал белым. Он опустил голову и что-то тихо сказал. Вира нежно провела языком по его волосатому животу и чмокнула губами член.

Крин без сил опустился в траву. Рыжая ласкала ртом член Тена. Но тот уже не реагировал на ласку. Ая лежа рядом с Крином, нежно гладила его ногой. Костер горел, две луны, видимо тоже закончив соитие, спокойно и расслабленно смотрели на маленьких человечков с ночного неба.

Потом было прощание, немного грустное. Крин хотел бы погостить подольше в этом удивительном поселении. Но таков древний закон. Он вернется сюда в следующее двоелуние. Если выпадет жребий. Женщины дали им немало подарков. Это и коренья, и сушеные травы, и кисло-сладкие оранжевые ягоды, и зеленоватые яйца. А ещё они подвели к ним испуганных и плачущих младших, тоже мужчин. Только ещё совсем маленьких. Многие боялись, не хотели идти. Особенно к страшному, бородатому Дору. Но женщины нежно прижимали их к себе, что-то шептали, целовали в голову, плакали вместе с ними. И настойчиво подталкивали к мужчинам. Таков закон. Мужчины с мужчинами, женщины с женщинами. Так было, так будет всегда, пока две луны светят на ночном небе.

Обратно возвращались в молчании. Даже новые младшие успокоились, затихли. Небо уже начало светлеть, одна за другой исчезали на нем звезды. Крин смотрел на тот берег и вспоминал ярк-синие глаза Виры и её тихий шепот: «в другой раз». И уже знал, что будет

ждать этого раза каждый день, а каждую ночь ему будет сниться то, что произошло этой ночью там, на другом берегу реки.